

М.Б. ВОРОШИЛОВА, А.В. СМИРНОВА
(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-3(Васильев А.)»19»
ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,44

ПОЛНАЯ И ТЕКСТОВАЯ РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А. ВАСИЛЬЕВА*

Аннотация: В статье представлен анализ примеров полной и текстовой реинтерпретации в творчестве А. Васильева (классификация видов реинтерпретации предложена авторами статьи в качестве апробации). Реинтерпретация – явление, свойственное современному искусству и современной рок-поэзии в частности. Под реинтерпретацией мы понимаем включение в контекст творчества заимствующего автора прецедентных текстов.

Ключевые слова: реинтерпретация, синтетический текст, перекодировка, рок-поэзия, А. Васильев, В. Маяковский.

В современном научном дискурсе все чаще поднимается вопрос о сохранении и стирании границ между самыми различными видами искусств, что обусловлено спецификой идеологии постмодернизма, совершенно особой художественной парадигмы рубежа XX – XXI вв. Все чаще исследователи отмечают тенденцию к синестезии в современном искусстве. Материалом для создания творений служит весь опыт мировой художественной культуры, который подвергается самым различным трансформациям: ироническое цитирование, игра смыслами и текстовыми кодами, стилевыми регистрами. Все это вовлекает современного «читателя» в сотворчество, в диалог, совместный интеллектуальный поиск, помогает вскрыть глубинные пласты и смысловые уровни, оставленные без внимания предшествующими поколениями.

Подобный процесс переосмысления традиции через ее одновременное восстановление и преломление как особую

---

* Статья подготовлена в рамках научного проекта «Стратегии трансгрессии в современной русской литературе» (Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-79.2013.6).

интегративную стратегию исследователи обозначают как реинтерпретацию [Волкова 2009]. Проблема реинтерпретации только сейчас стала предметом пристального изучения, потому данный термин не имеет единого принятого толкования. Отметим, что чаще к нему обращаются исследователи-искусствоведы, именно сочетание музыкальных и литературных форм делает его актуальным и востребованным, в том числе и в нашем исследовании.

Предпочтение, которое отдается понятию «реинтерпретация», объясняется следующим. Определяя собой непрерывный процесс переосмысления традиции через её одновременное восстановление и отражающее преломление, реинтерпретация изначально предполагает необходимость активной интеллектуальной деятельности со стороны субъекта восприятия, который из стороннего наблюдателя превращается в одного из участников диалога.

В нашем исследовании базовой категорией для феномена реинтерпретации является метод интертекстуальности, по существу, реинтерпретация, в нашем понимании – это процесс включения в контекст творчества заимствующего автора прецедентных текстов, которые переосмысляются на уровне:

- первоначального синтетического или синкретического текста;
- личности и творчества первоисточника;
- культурного контекста;
- соотношения с творчеством исполнителя, в которое включается инвариант, т.е. подтверждение и утверждение своего бытия через других.

В рамках настоящего исследования мы рассмотрели примеры реинтерпретации в творчестве современного российского рок-автора Александра Васильева, лидера группы «Сплин», который относится к числу тех исполнителей, которые нередко используют реинтерпретацию в дополнение к своему собственному репертуару. Мотивация обращения к той или иной эпохи, к тому или иному произведению может быть различной: дань уважения любимому исполнителю, группе; обращение к прошлому, актуализация его в настоящем и прочее.

В контекст творчества Александра Васильева включается Серебряный век, модернизм, постмодернизм и т.д. В результате получается своеобразный диалог культурно-исторических эпох, носителей сознания того или иного времени. В альбомах А. Васильева очень популярна форма написания музыки на стихи русских классиков, например:

«Под сурдинку» на стихотворение Саши Черного,
«Маяк» на стихотворение Владимира Маяковского,
«Конец прекрасной эпохи» на одноименное произведение Иосифа

Бродского.

Данный вид реинтерпретации мы предлагаем называть текстовой, в основе данной приема лежит перекодировка из синкретичного вида искусства в синтетический, его можно противопоставить полной реинтерпретации, когда автор обращается к такому же синтетическому произведению (в нашем случае, состоящему из музыки и текста), например, музыкальная композиция А. Макаревича «Паузы» включена в альбом А. Васильева «Черновики», изданный в 2004 году.

В качестве примера полной реинтерпретации мы предлагаем рассмотреть музыкальную композицию А. Башлачева «Петербургская свадьба», которая не включена в альбомы «Сплина», но многократно исполнялась на концертах, при этом сопровождалась авторским комментарием, есть ссылка на первоначального исполнителя. Заголовок не изменен.

В данном тексте актуализируются знаковые элементы петербургского пейзажа, черты архитектурного и историко-литературного достояния города. Отличными примерами могут послужить: Летний сад, "двуглавые орлы с подбитыми крыльями", дворцы, мосты и так далее. Все эти образы имеют предельно сниженный, трагестийный характер.

Сегодня город твой стал праздничной открыткой.

Классический союз гвоздики и штыка.

Защитопаны тугой, суровой, красной ниткой

Все бреши твоего гнилого сюртука.

Эта строфа противопоставляет небывалую красоту города с его трагедийной историей. Ведь всем известно, что «Петербург – город, построенный на костях». А «союз гвоздики и штыка» создает оппозицию прекрасного и опасного. Стоит отметить, что гвоздика – символическое растение страданий Христа. А если принять во внимание этимологическое чутье А. Башлачева, то можно отметить предметное сходство гвоздя и штыка.

В финальной строфе звучит обращение "мой бедный друг", благодаря чему возникает отсылка к поэме «Медный всадник», а, точнее, к пушкинскому "бедному Евгению", но это Евгений, являющийся двойником Медного всадника.

*По образу звезды, подобно окурка...
Прикуривай, мой друг, спокойней, не спеши.
Мой бедный друг, из глубины твоей души
Стучит копытом сердце Петербурга!*

Также, в тексте превалирует красный цвет как символ крови, жертвы, сигнала предупреждения: «...суровой, красной ниткой / Красивый алый бант окровленным бинтом», «развернутая кровь, как символ страстной даты, смешается в вине с грехами пополам».

*Спеша стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом.*

Помимо этого, много глаголов, в семантике которых заключено насилие, причинение боли:

Из раны бьет Нева в пустые рукава.

В данном контексте Нева наделяется значением крови, которая бьет из раны.

На уровне вербального субтекста реинтерпретация Александра Васильева становится более экспрессивной. Нельзя не заметить, что через особое интонирование можно проследить новое смыслопорождение в данной версии песни. Это выражается в том, что некоторые куплеты Васильев сознательно выделяет за счет увеличения громкости голоса; паузирование также играет немаловажную роль. Надрывность голоса исполнителя подчеркивает зловещность картины Петербурга, безысходность, эмоциональное напряжение и тому подобное.

Кроме того, солист группы «Сплин» на уровне музыкального субтекста несколько изменяет ритмико-мелодическую организацию, подгоняя ее тем самым под свой индивидуальный стиль исполнения. Из-за этого песня звучит более хаотично, символизируя беспорядочность мыслей, неоднозначность душевного состояния, а также нарастание и спады оттенков смысла.

Таким образом, реинтерпретация А. Васильева на «Петербургскую свадьбу» А. Башлачева позволяет говорить о включении Петербургского мифа в контекст творчества солиста группы «Сплин». Помимо этого, подобная система образов Петербурга вписывается и в

культурный контекст, то есть, соотнесенность с традицией рок-поэзии (к примеру, Ю. Шевчука, Б. Гребенщикова, А. Башлачева), а также с тематикой творчества поэтов Серебряного века (например, со стихотворением И. Анненского «Петербург», или одноименным романом А. Белого и т.д.).

В качестве примера текстовой реинтерпретации мы предлагаем рассмотреть композицию на стихотворение В. Маяковского «Лиличка», включенную в альбом 2007 года «Раздвоение личности» под названием «Маяк». Изменение заголовка композиции, положенной на стихи Маяковского, провоцирует порождение новых смыслов: в названии обыгрывается фамилия поэта. Васильевым вычленяется корневая морфема – «маяк». И это является знаковым: служит отсылкой к творчеству Маяковского и формирует отношение самого Васильева к поэту. Создается фамилия-образ, фамилия-символ, Владимир Маяковский человек-маяк, человек-ориентир. Ведь маяки светят в ненастную погоду и спасают моряков от гибели.

Стихотворение начинается с описания комнаты, атмосферы, которая напоминает «главу крученыховском аде» (упоминается поэт-футурист, А. Крученых). «Дым табачный воздух выел» – именно в этом задымленном помещении герой предается воспоминаниям, он смотрит в прошлое, как сквозь туман. Но сердце возлюбленной «в железе», и она не способна поддаться этим приятным моментам, когда еще были счастливы. «В мутной передней долго не влезет сломанная дрожью рука в рукав» – снова возникает мотив тумана, неотчетливости происходящего. В передней холодно, но дрожь, наоборот, мешает одеться, согреть себя. В строке «тело в улицу брошу я» герой разделяет свое физическое и моральное состояние. Он отделяет свое тело, делает его автономным, сравнивает с какой-то ненужной вещью, которую выкинули на улицу. В самом начале стихотворения сталкивается три временных пласта. Прошлое:

*Вспомни –
за этим окном
впервые
руки твои,
исступленный, гладил.*

*Настоящее:
Сегодня сидишь вот,
сердце в железе.
День еще –*

*выгонишь,
можешь быть, изругав.*

И будущее:
*Выбегу,
тело в улицу брошу я.
Дикий,
обезумлюсь,
отчаяньем иссецась.*

И эти временные пласты взаимосвязаны, один плавно перетекает в другой. Лирический герой настолько поглощен своей возлюбленной, что время, его жизнь, его прошлое, настоящее и будущее оказываются единым, неразрывным целым. И во всех этих временных отрезках существует Лиличка: она вплетена в его жизнь. Но герой предпочитает прервать течение времени, он останавливается на настоящем моменте:

*Не надо этого,
дорогая,
хорошая,
дай простимся сейчас.*

Он сравнивает свою любовь с гирей, непосильной ношей, которая преследует его возлюбленную. Герой ассоциирует себя с быком, слоном, который, устав от тяжелого труда, «разляжется в холодных водах» или «царственный ляжет в опожаренном песке». Но он, в отличие от животных, не может отдохнуть от своей любви. Такая любовь героя изматывает, он не видит выхода, кроме самоубийства, но и тут он осознает, что сам не в силах избавиться себя от страданий:

*И в пролет не брошусь,
и не выпью яда,
и курок не смогу над виском нажать.
Надо мною,
кроме твоего взгляда,
не властно лезвие ни одного ножа.*

Лирический герой понимает всю трагичность ситуации, понимает, что его любовь разъедает не только его самого, но и его возлюбленную: «душу цветущую любовью выжесг». Он надеется, что

неумолимый ход времени, череда ежедневных дел помогут забыть ту, боль, виновником которой он стал: *«суетных дней взметенный карнавал расстреплет страницы моих книжек...»*

*Слов моих сухие листья ли
заставят остановиться,
жадно дыша?*

*Дай хоть
последней нежностью выстелить
твой уходящий шаг.*

Герой осознает неотвратимость прощания, *«слов сухие листья»* не смогут остановить ее, все признания героя как сухие листья – мертвы и ни для чего непригодны. Они уже отжили свое, радовали возлюбленную в пору расцвета их отношений. Но сейчас настала осень, пора увядания.

Синтаксические средства выразительности, например, параллелизм строения: *«кроме любви твоей мне нету моря», «кроме любви твоей, мне нету солнца», «кроме звона твоего любимого имени...»* усиливают отчаяние героя; заставляют почувствовать, насколько важна ответная любовь для него. Анафора *«и в пролет не брошусь, и не выпью яда, и курок не смогу над виском нажать»* создает градационную интонацию, повышается эмоциональность.

Таким образом, тема трагической любви, ставшая роковой для Владимира Маяковского включается в контекст творчества Александра Васильева. Прежде всего, включение состоялось за счет содержательного наполнения стихотворения. Для Васильева также тематика любви, кризиса отношений является близкой: эта тема раскрывается в таких композициях, как: *«Скажи, что я ее люблю», «Прочь из моей головы», «Пластмассовая жизнь»* и т.д.

Самоотречение лирического героя Маяковского соотносится с самоотречением героя Васильева: *«Скажи, что я ее люблю, без нее вся жизнь равна нулю», «по буквам, по слогам возьми мои слова и брось к ее ногам».*

Обращение к тексту-источнику, в частности, к автору стихотворения обыгрывается. Изменение заголовка стихотворения несколько изменяет смысл композиции Васильева. Несмотря на то, что она проникнута трагическими нотами, герой Васильева видит свет маяка в темноте, верит в спасение и проблески счастья в бушующем море любовных страстей.

Итак, в ходе анализа мы выявили некоторые закономерности. Обращение к любовной лирике Владимира Маяковского свидетельствует о диалогическом характере изучаемого нами явления. Тема трагической любви, любви-страдания является типичной для всего творчества группы «Сплин». Стоит отметить, что Васильев, изменяя название стихотворения, по-своему переосмысливает и обыгрывает фамилию и, может быть, все творчество Маяковского. Это становится выражением собственных взглядов на личность поэта.

Стоит отметить, что при текстовом типе реинтерпретации происходит перекодировка из синкретичного вида искусства и синтетический, а это, в свою очередь, указывает на обновление, пересмотр формы произведения.

Кроме того, заимствованные тексты переосмысляются и на других уровнях:

1) обращение к личности и творчеству первоисточника. Например, отсылка к личности В.Маяковского при изменении названия стихотворения позволяет Васильеву привнести оттенок субъективности в восприятии данного поэта, попытаться выразить свое видение его личности, его судьбы;

2) заимствование произведения из одного культурного контекста и помещение его в другой позволяет переосмыслить многие факты современности, будь то политическая ситуация или мироощущение отдельного человека;

3) подтверждение и утверждение своего бытия через бытие других стало возможным в ходе выбора произведений для заимствования. Ключевые темы для творчества Васильева: миф о Петербурге, категория времени, декадентская любовь, хаос в сознании лирического героя – все эти темы нашли свое преломление и переосмысление в реинтерпретациях лидера группы «Сплин».

ЛИТЕРАТУРА

Волкова П.С. Реинтерпретация художественного текста (на материале искусства XX века): автореф. дис. ... докт. искусств. - Саратов, 2009.

Статья рекомендована О.Ю. Багдасарян